

Потерянный

Короткое

или путешествие
в прошлое

Зай,

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Будзинская

Елена Будзинская

Потерянный зай, или Короткое путешествие в прошлое

<https://litres.ru/73548587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если вернуться в прошлое? Можно ли изменить то, что было неправильно, и стереть ластиком то, что мучает до сих пор? Можно ли простить предательство? А повторить счастье можно? Или оно одноразовое, как и твоя жизнь?

Спустя много лет на родину возвращается героиня романа Катя вместе с выросшей, своенравной дочерью, влюбившейся не в того парня. Случайно, против воли оказывается она на старой подмосковной даче, где когда-то была очень счастлива и где пережила самое ужасное потрясение. Став старше, мудрее, пережив обиды и сделав выводы из ошибок, она пытается переосмыслить то, что изменило ее жизнь, и по-другому взглянуть на отношения с бывшим мужем. Ей предстоит понять, простила ли она предательство, есть ли в том, что случилось, ее вина и что же все-таки осталось в ее сердце: выжженная земля или любовь?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Будзинская

Потерянный зай, или Короткое путешествие в прошлое

Глава

Разместившись на широком заднем сидении огромного представительского джипа, мы вздохнули с облегчением – ну, наконец-то, долетели! – и тут же, как по команде, отвернулись друг от друга: дочь погрузилась в свой айпад, а я жадно приникла к окну. Так уж получилось, что за последние десять лет я ни разу не была в родной Москве и сейчас только поняла, как соскучилась и по ярким краскам осени, и по переполненным московским дорогам, по рваному, серому небу, по всей этой непередаваемой атмосфере большого города, навечно въевшейся в мою память.

– Господи, как хорошо! – громко прошептала я, умиляясь лесу, нависшему над шоссе разноцветными шапками.

– Хорошо? – воскликнул водитель, представившийся Сережей, и в зеркале отразился его недоуменный взгляд.

– Хо-ро-шо? – эхом отозвалась дочь и подняла от своего

айпада удлинённые глаза цвета моря в ненастный день. Заглянув в их вязкую, пленительную синь, я впервые за долгое время увидела человеческое выражение и подумала о том, как ей идет быть просто девочкой, милой, нежной, юной, невзирая даже на этот чернильный цвет, в который она упрямо красила ногти и дивные, от природы светло-русые кудри. За 18 часов полетов и пересадок с одного рейса на другой волосы не удержали варварского выпрямления, которому она их подвергла, и вернулись в свое естественное состояние, завившись в тугие, пружинистые кольца.

– Да, хорошо, – ответила я уверенно. – Ты все-таки приезжала сюда, а я – практически нет...

– Ну, конечно, приезжала! – не стесняясь водителя, сдержала она и снова надулась. – Только на каникулах, да и то, когда это было! Лет шесть назад...

– Не шесть, а пять, – поправила ее я и, посмотрев в окно, на склонившиеся над дорогой деревья, вздохнула: – А ведь когда-то я обожала сентябрь...

– Чувствуется, давно вы здесь не были, – усмехнулся водитель Сережа.

Давно, подумала я. 10 лет... 10 лет уговаривала себя, что все забыто, пережито, вымарано из памяти, да я почти уже убедила себя в этом, но почему-то каждый раз, когда вставал вопрос, ехать или не ехать в Москву вместе с дочерью, я, точно страус, трусливо прятала голову в песок и говорила ей: «Полетишь одна, у меня дела». Наверное, и сейчас не

решилась бы, если бы не чрезвычайные обстоятельства...

– Солнца уже третий день не видно, – продолжал сокрушаться водитель. – Сегодня хоть дождя нет, а то все киснет и киснет. И холодно.

Произнеся последнюю фразу, он опасливо покосился в нашу сторону. Мне даже стало немного жаль этого симпатичного юношу, закованного, словно в рыцарские доспехи, в строгий костюм. Он возит важного человека, вынужден чуть ли не круглосуточно соблюдать дресс-код, а тут вдруг видит бывшую жену большого босса и его дочь, и обе страшно далеки от образа «достойных представительниц рода». Я взглянула на Дальку. Уродливые джинсы baggy style 100 раз потерли и без того чистейшие дорожки Брикелл-Ки, веселенькие, ядовито-розовые флип-флопы еще хранят на подошвах гранулы белого песочка Ки-Бискейна, в безразмерной кофте утопает хрупкое тело, а выкрашенные в интенсивно-черный цвет ногти и волосы довершают картину: «Теплолюбивое дитя Флориды выживает в условиях суровой московской осени».

– Ты еще Пушкина процитируй: «Унылая пора, очей очарованье...», – нелюбезно буркнуло «дитя» в ответ на мое признание и опять углубилось в свой айпад.

– Как на *Олег Юрича* похожа дочка-то, – перехватив мой взгляд в зеркале, верноподданнически вставил водитель Сережа. Это было правдой: Далька унаследовала от Олега светлые кудри, топорщащиеся, словно свежая стружка, в разные

стороны, высокие скулы, неславянские темные брови и широко расставленные глаза хамелеонового оттенка, переливающиеся в зависимости от погоды и настроения из сумрачно-синего в фиалковый. Но кроме внешнего сходства она переняла и приумножила другие его черты: вызывающую смелость, умение быстро реагировать и принимать решения, эмоциональную неустойчивость, категорическое нежелание признавать свои ошибки и нестигаемую, железобетонную упертость.

– Не холодно? – спросила я, поглядывая на посиневшие голые ступни, робко вылезающие из-под джинсов.

– Не холодно, – огрызнулась она и, неестественно вывернув ноги, засунула их под сидение. Пожав плечами, я снова встретилась глазами с Сережей, который едва заметно кивнул мне. Мысль, сквозившая в его взоре, была очевидной: «Непростая девочка у *Олег Юрича*».

Душераздирающий вопль, перемежающийся с резким звуком сильно фонящей электрогитары, сотряс машину. Видимо, не привыкший к хард-року Сережа аж подпрыгнул на месте.

– Да держите вы руль, – раздраженно сказала Далька и вытряхнула содержимое сумки на кожаную обивку сидения.

– Это всего лишь ее телефон, – успокоила я его и усмехнулась: а ведь в молодости Олегу нравилась группа «The doors», надрывные, страстные синглы Джима Моррисона. Найдя, наконец, в этом бардаке айфон, Далька скользнула

пальцем по экрану и нежно произнесла:

– Папуля, привет! Мы приземлились, твой драйвер везет нас.

Ну, вот и он, легок на помине. А Далька-то, Далька! Сладкий, воркующий голосок, мягкие интонации – конечно, она делает это специально, чтобы позлить меня: дескать, с тобой я цежу сквозь зубы, а с ним – вот так вот. И это неестественное слово «папуля», которое она сроду не употребляла... Олег на том конце, наверное, обалдел от такой ласковой дочурки. Господи, и даже в этом она безумно похожа на него – я вспомнила его внезапные перепады от минуса к плюсу – может, они оба скорее найдут общий язык, а то у меня как-то совсем с ней ничего не получается.

Тут и мой телефон завибрировал – это была, конечно, Генриетта.

– Долетели? Все в порядке? Ну, как полет? Как Далька? Как тебе Москва? А Олег вообще вас встретил? – Генриетта по обыкновению выдавала обойму вопросов, отвечать на которые я даже не пыталась. – Короче, так, вы устраивайтесь, отдыхайте, а я к тебе заеду, как только закончу чертову работу...

– Да, но... – я собиралась сказать, что для начала неплохо бы созвониться, однако Генриетта категорично перебила:

– Никаких «но»! Не знаю, как дожить до сегодняшнего вечера, мечтаю тебя скорее обнять. Я переполнена новостями, спешу поделиться ими с тобой...

– Гесь, мы же все время были на связи, что такого кардинально нового могло случиться...

– Ты не представляешь себе, это не телефонный разговор, но ты даже не представляешь...

Возможно, она и дальше бы повторяла это «не представляешь», если бы вдруг Далька не сунула мне свой айфон со словами:

– На, папа тебя хочет...

Безразличный, хрипловатый голос скороговоркой произнес:

– Да, привет, Катрин, знаю, Далька в порядке, чувствует себя хорошо. Я заеду вечером повидать ее, никуда не уходите. Все, пока.

Он даже не удосужился задать формальный вопрос, а как мои дела, не захотел услышать меня, ему, похоже, совершенно все равно, чем я буду занята сегодня и буду ли вообще в состоянии встречаться с ним, он просто взял да невежливо отсоединился. Что ж, в его духе. И снова это издевательское, инородное имя, которое он придумал мне назло, чтобы не называть меня моим настоящим – Катя. И зачем только «меня хотел», мог бы все сказать дочери. Некоторое время мы ехали молча, слушая негромкое радио. Задумавшись, я смотрела в окно на мелькающие машины, расступающийся лес, уютные подмосковные дачи, теснившиеся на прогалинах, и вдруг до боли знакомая мелодия отвлекла меня от созерцания окрестностей. Прежде чем мысль успела

оформиться, сработал рефлекс: губы вздрогнули, артикулируя звуки, в сознании яркой вспышкой промелькнул полузабытый образ. Секунда – и в полусонную тишину машины ворвался сильный голос с расщеплением на высоких нотах и запел то, что уже звучало в моей голове:

*Дрянна-ая девчо-онка в коро-откой юбчо-онке насмешили-
во вскинула бровь,*

*Прищу-урила гла-азки и крутит на пальчик колечко из
рыжих волос.*

– Ужас какой-то, – пробормотала Далька, втыкая в свои черные кудри наушники.

– Да это радио «Ретро», – словно оправдываясь, уточнил Сережа. – Здесь передают музыку прошлых лет.

Я усмехнулась. Им обоим: и моей 19-летней дочери, и водителю, которому, пожалуй, едва за 30, было невдомек, что по радио «Ретро» звучал убойный хит 90-х и что этот мощный, с джазовыми перекатами голос – между прочим, мой голос. Я покосилась на Дальку, отгородившуюся от мира наушниками и планшетом. А ведь она даже не догадывается, что если бы не этот «ужас», не эта «Дрянная девчонка», перевернувшая мою жизнь, ее самой, пожалуй, и на свете-то не было бы...

■ ■ ■ ■ ■

Это были непростые времена. Страна жила экономическими потрясениями, растущей в геометрической прогрес-

сии инфляцией, в воздухе витали слова и понятия, наполнявшиеся новым смыслом: парад суверенитетов, реформы, забастовки, криминальные разборки, ОПГ и т.д. Все вокруг дышало переменами. Привычный уклад рушился и в моей, генеральской семье: мама, преподаватель английского в институте, папа, потомственный военный, командовавший парашотно-десантным полком в Афганистане, и глава семьи дед, ветеран войск ПВО, генерал-полковник в отставке, находились от всего происходящего в недоумении, но меня, семнадцатилетнюю заносчивую девицу Катю Протазанову, это волновало мало. Я была одержима мечтой стать певицей и считала, что имею для этого все основания: семилетняя учеба в Детской музыкальной школе, активное участие в Большом Детском хоре Центрального телевидения и Всесоюзного радио – почти всегда в качестве солистки. Родные, когда-то отдавшие меня в ДМШ и с удовольствием внимавшие из зала, как я чистым, звенящим от задора голосом выводила: *«Была бы наша Ро-одина богатой и счастливою, а выше счастья Ро-одины нет в мире ни-че-го!»*, тем не менее, моего увлечения не разделяли, поэтому я, как и все послушные девочки из хороших семей, поступила на филфак МГУ, а истинные намерения скрывала. Делать это, с одной стороны, было крайне неприятно, ведь родители и дедушка доверяли мне, а с другой стороны, очень легко, потому что в последнее время мой совсем еще не старый, большой и сильный отец вдруг начал хиреть – сказывалось тяжелое ране-

ние, полученное в Афганистане – и все внимание и заботы семьи были прикованы к нему. Я переживала за отца, но отступать от мечты не хотела и не могла, тем более что мечта эта неожиданно стала осязаемой и сама бабахнулась мне в раскрытые ладони.

Как-то после кэвээновской вечеринки в университете, где я солировала на разные голоса, заменяя не только девочек, но и мальчиков, ко мне подошел сутуловатый, пугающе некрасивый человек со спутанными длинными волосами, не скрывающими обширную лысину, и, охватив придиричивым взглядом, буркнул: «Тебе, бейби, надо петь. Для начала, например, в моей группе. Конечно, придется взять несколько уроков вокала, а то от твоего тембра отдает конкурсом пионерской песни. Быстрой славы не обещаю, но... – он покопался в моих однокурсниц, в ужасе на нас таращившихся, и добавил громкости: – х..рней страдать, как здесь, не будешь точно». Надо сказать, что в то время мою внешность трудно было назвать эффектной. Стесняясь высокого роста, я сутулилась, страдая от излишней худобы, надевала бесформенные вещи, считая свои рыжеватые вьющиеся волосы ужасными, до одури выпрямляла их резиновой шапочкой и собирала в старческий пучок на затылке. Воспитанная в строгих морально-нравственных принципах, я практически не пользовалась косметикой, за исключением бесцветного блеска для губ. И вот такая красавица вдруг взяла, да и выпалила незнакомому человеку: «Надеюсь, вы не думаете, что в бла-

годарность за ваше предложение я буду спать с вами?» Он не рассердился, а лишь фыркнул, скривив узкий, морщинистый рот: «За искренность хвалю, бейби. И вот тебе мой ответ: главное, чтобы ты меня сама об этом не попросила. А то ведь придется тебе тогда уйти... хм, — он смерил меня оценивающим взглядом, — ни с чем. Кстати, меня зовут Юдж, а тебя, кажется, Катя? Прекрасно, будешь Кэт». Вид у Юджа был настолько харизматичный и настолько убедительный, что я поверила ему сразу, так что повторять дважды мне не пришлось. Легкий изгиб судьбы, и все поменялось: в мою жизнь вошли песни Юджа Шерхана, головокружение от недолгой славы, постоянный обман и... Олег.

■ ■ ■ ■ ■

Номер полулюкс в гостинице «Савой» состоял из двух частей: вместительной спальни, явно рассчитанной на счастливых супругов, и просторной гостиной, которую Далька тут же захлामीла своими вещами и гаджетами, но несмотря на внушительные размеры и великолепие в стиле ампир, мне было не по себе: все-таки дико в родном городе останавливаться в гостинице. Но так вышло, что с Москвой меня больше ничего не связывало. 10 лет назад я специально приехала из Америки, чтобы продать родительскую квартиру и вложиться в недвижимость в Майами, а семейное гнездышко, когда-то свитое и выстраданное мной, давно уже не мое, и Бог знает, кто в нем теперь обитает...

Начал сказываться джетлаг: разболелась голова, заломило спину, ужасно клонило в сон. Далька подозрительно исчезла. Заглянув через некоторое время в спальню, я обнаружила ее мирно посапывающей на огромной кровати. Мне тоже, как и Дальке, хотелось провалиться в спасительный сон, но я знала, что должна прийти Генриетта, и было бы неудобно заставлять ее ждать. Сев в гостиной перед большим, хорошо освещенным зеркалом, внимательно осмотрела себя и расстроилась. Когда-то я могла целый день провести на ногах в трудах и заботах, потом полночи развлекать гостей и до утра убирать за ними, и это никак не отражалось на состоянии моей безупречной кожи. Сейчас же волнения, связанные с поездкой, и 18-часовой перелет добавили мне изрядное количество лет. Я попыталась замазать тональным кремом припухлость под глазами и растекшиеся синяки, чтобы хоть немного скрасить свой несвежий вид, но вдруг вспомнила, как Олег безразличным тоном коротко сообщил, что заедет, и решительно выключила подсветку зеркала. Блеска для губ будет вполне достаточно.

Иссохшая, сморщенная, с повисшими, плохо покрашенными прядями жидких волос, но, как и в юности, чрезмерно экзальтированная Генриетта нашла меня «премиленькой».

– Как тебе идет эта стрижка-каре, ты прямо девочка... Давно постриглась? – сдвигая к переносице смешные, как у кота Базилио, очки, спросила она.

После того, как Далька, связавшись с маргинальным да

еще откровенно немолодым рокером, впервые не пришла ночевать, я пошла в салон и, распустив до середины спины свой пышный хвост, приказала обалдевшему парикмахеру действовать. Но Генриетте я, разумеется, этого не сказала.

– Послушай, Протазайчик, как же хорошо, что ты здесь! Столько всего нужно тебе рассказать, столько всего рассказать, – тархтела Генриетта, не обращая внимания на мою туповатую безучастность. Она упорно называла меня этой кличкой, производной от давно забытой Протазановой, хотя за столько лет я меняла фамилию дважды. Что ж, подумала, невесело усмехнувшись, возможно, мне и придется в скором времени вернуться к истокам.

Особенность характера Генриетты в том и заключалась – она всегда интересовалась лишь фактами, на основании которых делала свои выводы, а полутонов и нюансов не замечала. Генриетта была бы незаменима в прокуратуре или в следственном управлении при сборе вещественных доказательств, но на роль психолога совершенно не годилась. Мы познакомились с Генриеттой Берлин, или Гесей, как ее все называли, в издательстве, куда я, юная студентка, пришла на летнюю практику. В редакционно-издательском отделе пышным цветом цвели редкие экземпляры растений, этикие бабули – божьи одуванчики, младшая из которых давно разменяла седьмой десяток, а старшей лет пять как перевалило за восемьдесят. Увидев этот контингент, я растерялась – а с кем общаться-то и как? Бабули, впрочем, оказались совершенно

очаровательными – старая московская интеллигенция, которая потом просто вымерла как класс. Они сразу бросились наперебой меня опекать. Не прошло и дня, как я знала все редакционные тайны, а именно: какой автор с кем из редакторов предпочитает работать, кто ездит на машине, а кто общественным транспортом, сколько внуков у Анны Владимировны, старейшего сотрудника издательства, сколько раз женился и вдовел замдиректора Шпигель, которого я, юная и хорошенькая, непременно должна опасаться и т.д. Когда на третий день, наконец, появилась Генриетта Берлин, литературный редактор отдела – именно ее бабули определили мне в подруги, поскольку она ближе всех подходила по возрасту, ей исполнилось 34 – я уже была всецело подготовлена к встрече с ней и, только взглянув в большие, чуть навывкате глаза цвета спелой сливы, сразу оценила наблюдательность бабуль: с легкой грустью, заносчивая, начитанная, в глубине души (правда, глубина погружения была предельной) добрая.

Проникшись, Генриетта обсуждала со мной и редакционную жизнь, и личную.

– Понимаешь, Протазайчик, – говорила с придыханием, и в этом тоже была ее неповторимая манера, будто она открывала тебе все тайны мироздания, – мне здесь, в этом углу непуганых маразматиков и климактеричек, ничего не светит: ни карьеру сделать, ни замуж выйти. В каждом отделе, на каждой более-менее приличной должности прочно

сидят на своих старческих ж..пах мастодонты, которые начинали трудовую биографию еще в «Детгизе» при Самуиле Маршаке и Корнее Чуковском, и уходить на заслуженный отдых они совершенно не торопятся. Отсюда их всех вынесут только вперед ногами, а поскольку люди это старой закалки, то... Короче, полный тухляк. А что касается личной жизни... Есть только один завидный холостяк, вернее, вдовец, замдиректора Клавдий Ефимыч Шпигель, похождениями которого здесь все живо интересуются за неимением лучшего, так вот он вполне мог бы быть соратником Ленина, учитывая его национальность, непролетарское происхождение и возраст. К тому же, если даже закрыть глаза на близость к Ленину, совсем, знаешь ли, не хочется, чтобы старикашка вновь овдовел, а твои дети, если таковые случатся, смирившись с именем матери, до конца дней носили бы отчество Клавдиевичи.

Генриетта Берлин была девушка непростая: с университетским образованием, начитанная, эрудированная, и необычная внешность ее подчеркивала заносчивость характера. Темные завитые локоны волнами спускались по длинной балетной шее к острым плечам; аристократическая горбинка, ломающая прямую линию носа, и высоко поднятый подбородок добавляли высокомерия ее профилю; в больших сливовых глазах навывкате за толстыми стеклами смешных очков проглядывала загадка. В плане личной жизни не только соратник Ленина Клавдий Шпигель не имел никако-

го шанса, но и любой другой, более молодой и привлекательный, вряд ли мог на что-то рассчитывать. Угодить взыскательному Геськиному вкусу было крайне трудно, почти невозможно, поскольку родилась она, на свою беду, перфекционисткой. С раннего детства, начитавшись стихов и романов, вбила она в свою головку некую идеалистическую схему, прямолинейную и простую: мужчина должен быть всего лишь умен, красив, обеспечен и при этом любить до безумия не только ее, но и женское царство, составляющее ее семейство. Ни один из ее немногочисленных кавалеров в данную схему никаким образом не укладывался. Поначалу, пока девушка была свежа и пикантна, находились и небедные, и вполне симпатичные, которые теряли голову от Геськиного взбалмошного очарования, но не было ни одного, готового пожертвовать собой ради ее высокомерной ханжи-матери, выжившей из ума 90-летней бабушки, двух ее незамужних капризных тетюшек и малолетней племянницы, живущей так, будто она – наследница Виндзоров, поэтому, покружившись в угаре недолгой влюбленности, Геська опять оставалась одна и, быстро стряхнув с себя оковы старых отношений, ждала нового чувства и верила, что именно в этот раз уж точно будет *оно самое*. С каждым прожитым годом коридорчик, ведущий к сверкающему храму идеальных отношений, становился все уже. Генриетта пребывала в гордом одиночестве, не брезгуя случайными и ни к чему не обязывающими «пересыпами». Снижать планку или уступать она

упрямо не желала, жила в своем «прóклятом» бабьем царстве, изрядно поредевшем – мать и бабушка умерли – люто его ненавидела и истово любила. Карьеры она тоже не сделала – так и работала в своем издательстве, сумев дорасти до начальника редакционно-издательского отдела. Прирожденная сплетница, старомодная, нелепая, экзальтированная, нетерпимая, она вызывала у многих отторжение, от долгого общения с ней сводило скулы и кружилась голова, но она была единственной, кто все эти годы не забывал, когда у меня или у моей дочери день рождения, единственной, кто интересовался, как у нас дела, писал, звонил, сообщал новости, кто безвозмездно помог мне с продажей московской недвижимости, и я очень ценила это.

Выслушав долгий рассказ о болезнях пожилых тетушек и о художествах уже почти сорокалетней племянницы, у которой, несмотря на солидный возраст, ума ни на грамм не прибавилось, я робко напомнила о том важном, ради чего она сегодня приехала и чем так спешила со мной поделиться.

– Да, может, ты уже знаешь, это я вот узнала только что, случайно... – Генриетта странно замешкалась и уткнулась сливовыми глазами в пол. – В интернете появилось...

– Что такое? – предчувствуя недоброе, занервничала я.

– Да-а... У меня было дел полно, и потом я не любитель копаться в интернете, а знакомых таких у меня нет, поэтому...

– Гесь, пожалуйста. Что случилось?

– Шерхан... – она еще не сказала вслух, но я все почувствовала сжавшимся, осевшим сердцем, – умер... Ой, да ты побледнела как! Тебе что, нехорошо? Милая, но ведь это неудивительно, он ведь та-ак пи-ил...

Она все говорила и говорила о том, что всем известно и без нее: о бренности бытия, пагубности божьего образа жизни, об иллюзорности состояния нирваны, в которое погружаются принявшие дозу наркоманы и пьяницы, о том, что за все грехи неизбежна расплата, а я сидела на диване и, тупо глядя прямо перед собой, повторяла слова: «Шерхан умер... Умер Шерхан...», постигая их страшный смысл, и вспоминала, что он сделал для нас, для меня...

■ ■ ■ ■ ■

В группе «RedКэт» все замечательно совпало: и легкие, попадающие в настроение мелодии, и незамысловатые тексты, и голоса с широким диапазоном на любой, самый взыскательный вкус. И даже название группы ложилось в тренд. В те времена всем нравилась непонятная иностранщина, а в нашем случае еще обыгрывались слова кошка, cat – Катя, Кэт и прилагательное red, которое, конечно, относилось к моим волосам, от природы имевшим рыжеватый оттенок, а теперь под напором Шерхана жестоко перекрашенным в вульгарный красный цвет. Таким образом, название сразу указывало, кто в группе главный, но ребята попались веселые, и никто ни на кого не обижался, во всяком случае, мне так ка-

залось. Все они были еще и замечательными музыкантами: клавишник Славка Бекмамбетов по прозвищу Бек, гитарист Серега Дорохов, для всех СиДо или Сид, ударник-виртуоз Леха Ширяев, которого, понятное дело, по имени тоже никто не звал, на разные лады склоняя его растаманскую фамилию. Но настоящим лидером группы, ее идейным вдохновителем и организатором был Евгений Хаев, в мире шоу-бизнеса известный как Юдж Шерхан. Удивительно разносторонний человек, да что там, просто гений, он когда-то закончил Высшие режиссерские курсы, хорошо понимал музыкальную драматургию, театр, стоял у истоков такого явления, как вокально-инструментальный ансамбль. Выступал, причем, виртуозно сразу в нескольких лицах: автор сценария, режиссер, музыкант, поэт, хореограф. И главное – Юдж писал музыку, и музыку неплохую. За два часа он мог сочинить симпатичную мелодию, а потом еще за час придумать к ней простенький текст и славать практически на любом музыкальном инструменте, да так, что все это звучало и намертво въедалось в память незатейливыми припевами-куплетами. Модные в те годы ВИА с удовольствием перепевали его, как он сам их называл, «песнюрки», обращались к нему с просьбой поставить номер – тогда слово «клип» еще не употреблялось – короче, полезных связей у Юджа скопилось предостаточно, и деньги текли к нему стремительным полноводным потоком, однако долго не задерживались, все время просачивались между пальцами. С его умением нахо-

дить нужных людей и пробивать лбом стены он легко мог стать известным композитором, поэтом или даже исполнителем – пел он тоже весьма неплохо – но беда была в том, что все эти, по его выражению, «ля-ля, б.я-б.я» его решительно не интересовали. Шерхана влек андеграунд, выплеснувшийся в конце 80-х из подвалов и подворотен, его драйв, жесткие роковые интонации, исполнение-крик на разрыве связей, саднящая боль оголенных нервов. Он метался, пытаясь писать и нашим, и вашим – не получалось. Попсовые пути были слишком тяжелы, и освободиться от них он не мог. От вечного разлада с самим собой Шерхан срывался, в самый неподходящий момент уходил в штопор тяжелого запоя, потом из него с большим трудом выбирался, посеревший, злой и какой-то истерзанный, но с ворохом новых песен, две или три из которых непременно становились хитами.

Как-то грустной поздней осенью, спустя почти полгода после запуска мы, маленькие поющие «редиски», как величал нас любимый руководитель Шерхан, сидели в подвале клуба шарикоподшипникового завода, где обычно проходили наши репетиции, и предавались унынию. «Редиски» – это я, Бек, Сид и Шира, забросив музыку, невесело размышляли о том, почему в стране все меняется, причем, ежедневно, а в нашей жизни нет вообще никаких перемен.

– И какого х..ра? – ярился Бек, самый громогласный из нас, выдыхая ядовитый сигаретный дым прямо мне в лицо – после Шерхана он считал себя старшим в группе. – Без на-

ших песен не обходится ни один чертов праздник, каждая дискотека крутит их до упора, девки, как буйно помешанные, орут: «White ака-ация, какая провока-ация», и эта чертова «Акация» вон уже месяц крутится на радио, а мы... а нас... Кароч, наиполнейшая ж..па... И Шерхану на все, на все наср...ть!

Все подавленно молчали, понимая, о чем он говорит. «Дискотечная» популярность начинала тяготить: непрехотливые песенки быстро завоевывали восприимчивую к такому продукту аудиторию, подбирались к верхним строчкам музыкального рейтинга, а нас по-прежнему почти никто не знал, телевидение откровенно игнорировало, а на радио, если и приглашали, то только в передачи, типа «Молодежные шлягеры», которые выходили в эфир глубоко за полночь. Юдж нервничал, ни с того ни с сего набрасывался на ребят, отчитывал Ширу и Сиду за ничегонеделание, орал на беднягу Бека, обвиняя в небрежности и фальши, а сам все чаще срывался с катушек, как сейчас, например. Все понимали, что дальше так нельзя.

– Это кому на все, на все наср...ть? Это что это – кот из дома, мыши в пляс? Сидите тут, ля-ля, б.я-б.я, вместо того, чтобы репетировать? – раздался вдруг негромкий, сиплый голос. Мы вздрогнули – Шерхан, легок на помине! Злой и раздраженный, он выглядел ужасно, сильно похудел и сгорбился, как от удара под дых, но мы все равно обрадовались: запой, кажется, закончился. Общаться с нами он явно не же-

лал — все, абсолютно все вызывало в нем раздражение — и только бросил нам измятые листки с новой песней. Пробежав глазами текст, я скривилась — он показался мне ужасным:

Дрянная девчонка в короткой юбчонке насмешиливо вскинула бровь,

Прищурила глазки и крутит на пальчик колечко из рыжих волос.

И справа, и слева — признанья, восторги влюбленных в девчонку мужчин,

Но та лишь смеется, то пальцем поманит, то тут же ужаслит, наморщив курносый нос.

Концовка, на мой взгляд, была совершенно чудовищной:

Но время пройдет,

И расплавится лед

На улицах и площадях.

А, может, и эта девчонка поймет,

Какой же должна быть любовь.

Но когда Бек, прочитав ноты, подобрал на синтезаторе мелодию, она, эта мелодия, простенькая, невеселая, несмотря на мажорную тональность, вползла в голову, навязла на языке и долго преследовала немудреным припевом:

Дрянная девчонка, дрянная,

С дерзинкой упрямый взор.

И сожалеет едва ли,

Что сводит с ума дураков.

После изнурительной репетиции Шерхан брезгливо махнул рукой, отпуская всех, а мне пробурчал в спину:

– Ты, бейби... Завтра пойдешь со мной в одно местечко...

– Куда?

– Куда-куда... – я видела, он с трудом подавил желание закончить фразу грубостью, – куда скажу, туда и пойдешь. Хочется в свет выйти – велкам! Будете делать то, что прикажу... звезды, мать вашу... И чтобы все выучила! Не терплю, когда перевирают мой гениальный текст.

Свернув листки с песней, я сунула их в сумку и быстро направилась к двери.

– Обещаю тебе, – догнали меня его язвительные слова, – завтра твоя жизнь изменится, только надень юбчонку покороче... И кстати, вместо дураков можешь спеть м...ков – на такую оговорку я, пожалуй, согласен.

Уважая Шерхана как человека талантливого, тонкого, страдающего от дисгармонии мира, я никогда не отвечала на его выпады, воспринимая хамство с его стороны как остаточный бред. Стараясь выразить свой протест, лишь обиженно хлопнула дверью и ушла, не понимая того, что Шерхан, как всегда, видит глубже и дальше, чем все мы.

■ ■ ■ ■ ■

Генриетта, продолжая театрально причитать, присматривалась ко мне через выгнутые линзы очков.

– Не кричи, – сказала я, вставая с дивана, – Дальку раз-

будишь.

– Прости, я думала, ты знаешь...

– Откуда мне знать, Гесь? Бек в Израиле, Шира в Германии, Сида бог занес в Нуса Дуа. А Олег, похоже, не считает нужным ставить меня в известность...

– Ну... это давно было...

– То есть как давно? – от удивления я выронила телефон, и он с глухим стуком приземлился на мягкий узорчатый ковер.

– Как давно? – Генриетта хмыкнула и насадила на аристократическую горбинку свои смешные очки. – Ну, может, месяц назад... Я же говорила, что с интернетом на «вы»...

– Месяц?! Ты сказала, ме-сяц?

Даже после общения с взбалмошной, влюбленной дочерью мне удавалось держать себя в руках, но сейчас я готова была взорваться от негодования. Весь этот чертов месяц мы вели переговоры по телефону и по видео – Олег не мог (или не хотел) приехать и уговаривал меня привезти заблудшую дочь в Москву для душеспасительной беседы и при этом ни словом, ни намеком не упомянул о смерти Шерхана, а ведь он знал, прекрасно знал, как Юдж был важен для меня.

– Есть еще кое-что, – робко вставила моя подруга и некрасиво скуксилась. По ее виноватому виду я сразу поняла, что очередная новость будет не лучше предыдущей.

– Что ж, говори, раз начала.

– Не представляю, как ты к этому отнесешься, милая. После того, что я только что видела... Ты была на грани...

– Геська, ради бога, не тяни, кто-нибудь еще умер?

– Что ты, как раз наоборот...

И в тот момент, когда суперновость должна было сорваться с ее уст, в дверь постучали. Догадаться, кто это, было нетрудно, он всегда все делал так – требовательно и нагло.

– Привет, Катрин, – войдя, бросил бодро, но, натолкнувшись на мой взгляд, замер, типа: ну, что еще такое? Увидев промелькнувшую в глубине комнаты худую фигуру, усмехнулся: – Приветствую и вас, Генриетта Данил-лна...

– Давидовна! – возмутилась она. Олег и бровью не повел:

– Теперь все понятно...

– Что тебе понятно? – воскликнули мы, а он поморщился: дескать, избавьте от ваших децибелов.

– Где Далька? – спросил, игнорируя нас. Я подошла к нему почти вплотную, так близко, что запах его терпковатого одеколona проник в мои ноздри, а модная голубая рубашка норовила прилипнуть к моему блеску для губ, и заглянула в его глаза странного темно-синего цвета, в которых, как обычно, не было ни намека на истинные чувства.

– Олег, – произнесла почти спокойно. – Ты ведь знал про Шерхана, правда? Так почему, почему ты не сказал мне?

– А что бы это изменило? – он пожал плечами и поспешил отодвинуться. – Жизнь его тебя особо не интересовала, ты не общалась с ним все эти годы, так что, узнав, все бросила бы и примчалась сюда?

Мне кажется, я даже покраснела от неловкости – он был

почти прав.

– Возможно, я бы...

– Слушай, да я еле уговорил тебя привезти Дальку в Москву... Ты не хотела изменить своим привычкам из-за дочери, а тут...

Вот молодец! Сколько я умоляла его хоть на несколько дней отложить дела, прилететь в Майами, помочь мне достучаться до нее, вырвать из объятий престарелого рокера, а теперь оказывается, что это именно он упросил меня привезти Дальку в Москву...

– Олег, давай оставим тему, кто кого на что уговорил. У меня голова кругом оттого, что я узнала о Шерхане... Почему ты так поступил, почему? Ведь я могла как-то помочь, что-то сделать...

– Успокойся, – сказал он миролюбиво, потом посмотрел на меня пристально, без своей обычной ухмылочки. – Все сделали без тебя. Похоронили там, где и твоих родителей – на Троекуровском.

– Да, но... Почему ты не...

– А что говорить, Катрин? Как он умер на своей даче? Как пролежал почти неделю в полном одиночестве? Как его оголодавший пес чуть не обезумел, находясь рядом с бездыханным телом? Как я потом ездил на его опознание и с трудом узнал в тощем, заросшем бородой старике Шерхана? И поверь, я еще не все тебе рассказываю...

Мы замолчали, придавленные страшной правдой произо-

шедшего.

– Но... почему он умер? – я, наконец, взяла себя в руки.

– А ты не догадываешься?

– Водка?

– Водка была лишь спусковым крючком. Он просто захотел жить, вот и все...

Притихшая Генриетта гулко вздохнула где-то у окна. Олег, не оборачиваясь, ткнул указательным пальцем в ее сторону.

– Расспроси вон свою подругу Генриетту Дантесовну.

– Давидовну! – взвизгнула обиженная Генриетта, но Олег невозмутимо продолжал:

– Сейчас ты здесь и можешь посетить его могилу на Троекуровском, ну, я не знаю, свечку поставить, панихиду отслужить, все, что делается в подобных случаях... Так что, Катрин, не надо больше на меня нападать... Не из-за чего. А Далька-то где?

– Здесь я, па, – донесся из соседней комнаты сиплый шепот дочери, и через секунду она появилась – заспанная, всклокоченная, тонюсенькая, в лосинах и в майке и, как всегда в эти редкие минуты, ужасно милая. – Вы так орали, что разбудили меня... Привет, Гесь!

– Ой, прости нас, детка, – промяукал он совершенно другим, нежным голосом и, обняв ее, растерянно посмотрел на меня. Видимо, чернильные волосы, серьга в носу и отвратительная цветная татуировка в виде тюльпана на смуглом

предплечье стали для любящего папаши полнейшей неожиданностью. Подожди, подожди, ты еще не знаешь главного, того, что твоя милая детка придумала совсем недавно, с не понятным самой себе злорадством усмехнулась я.

Когда они уединились в спальне, Генриетта повернулась ко мне и, опаливая горячим дыханием, манерно зашептала:

– Нет, ты видела? «И нас за никого считает...» В данном случае, меня, конечно. В разговор не впустил, взглядом не удостоил, несколько раз обидел проходя... Ну, нет мне места на этом празднике жизни! Но до чего хорош, негодяй! Ты видела, видела?..

Я, действительно, все увидела. Несмотря на то, что нас с Олегом разделяли годы, несмотря на то что дочь – это единственное, что нас связывало, и несмотря на трагическую новость, сбившую меня с ног, я, тем не менее, не могла не заметить, как он красив, и красив особой, зрелой, мужской красотой, которой не блистал в юности. Ушла нездоровая худоба, исчезла куда-то многолетняя сутулость, он раздался вширь и заматерел, сохранив при этом мальчишескую легкость движений, свое неповторимое обаяние и темно-русые, сильно выгоревшие на концах длинные пряди, которые он по привычке небрежно откидывал назад. Я вспомнила про собственный помятый вид, ненакрашенные ресницы, вспомнила, как он поспешно отступил от меня, и нахмурилась.

– Никак не перейду к следующей главе, – зашептала Генриетта и кивнула на закрывшуюся за ними дверь. – Светла-

на, его пассия. Удалось посмотреть рекламу?.. Ну, ту... ну, я тебе скидывала?

Речь шла о двух роликах, в которых снялась новая девушка моего бывшего мужа. В одном, пятнадцатисекундном, она красиво наносила на свои ухоженные руки крем и умилялась шелковистости кожи; во втором, тридцатисекундном, посылала телезрителям уже другой месседж: моясь под тонкими струями воды, картинно убирала с лица мокрые волосы, втирала в свое обнаженное тело пенистый гель для душа, закрывала глаза от вожделения и сладострастно приговаривала, что она заслуживает самого лучшего. Поскольку Олег много лет возглавлял крупнейший рекламный холдинг в стране, оставалось удивляться, почему ролика с такой фактурой только два, а не сто двадцать два.

– Нет, Гесь, некогда было... – соврала я. – Так ее Света зовут?

– Как же так, как же так... – Генриетта была явно раздосадована моим безразличием. – Жаль, жаль... У них все серьезно. Короче, этой Свете 25, и она прелестна, как боттичеллиевская «Весна»...

Ну, положим, не «Весна» Боттичелли, а, скорее, «Сад земных наслаждений» Босха, чуть не брякнула я, но вовремя спохватилась и только руками развела:

– Что ж тут поделаешь. Всего на шесть лет старше его собственной дочери... Флаг им в руки.

– Это не все, Протазайчик, милая... Девушка глубоко бе-

ременна, и к Новому году твой бывший станет отцом во второй раз... А у Дальки появится братик или сестричка...

Я хотела было беспечно отмахнуться, но вместо этого едва успела сжать губы и повернуться к ней спиной – новость ошеломила меня...

■ ■ ■ ■ ■

Шерхан подхватил меня у метро.

– Ну, я же проси-ил, – поморщился он, когда я плюхнулась на переднее сидение его черной «Волги».

– Юдж, но у меня, правда, нет короткой юбки... Я...

Он сдвинул руль и долго, обиженно молчал, не отвечая на мои вопросы. Потом, видимо, желая заинтриговать, все-таки рассказал о цели нашей поездки – «интересной» квартире и ее не менее интересных обитателях.

– Это классная хата. Ее бывший хозяин – известный врач-отоларинголог, практиковал гомеопатию, да так успешно, что в очереди к нему стоял весь Большой театр, и не только Большой – вся артистическая Москва! Он не раз лечил связки самому Эйзену или Рейзену... или им обоим. Звали его Юрий Покровский. Он, к сожалению, недавно отчалил в мир иной. Так вот. Я шапочно знаком с его сыном Олегом – парень этот... хм, непростой. Тоже врач, три года оттрубил на скорой, потом всех послал и подвизался на телевизионной ниве, сочиняет с группой приятелей сценарии для молодежных передач, серьезно занимается рекламой, сам снима-

ет клипы. Такой, знаешь... лихой, бурный чел. У него обычно весело, полно интересных ребят. Но сегодня мне нужен он. Вернее, нам всем, и тебе, между прочим, тоже. Поэтому, черт возьми, я хотел бы, чтобы ты, Кэт, ему понравилась.

– В смысле? – я оторопела от такой наглости.

– В самом непристойном.

– Ну, знаешь! Еще не хватало! Ты что, сводничаешь, что ли?

Мы вылезли из машины на Тверской, которую по привычке продолжали называть улицей Горького, у старого сталинского дома из серого камня, зашли в его тихий двор, и я упрямо остановилась, ожидая ответа. Моему глупому детскому возмущению не было предела.

– Это называется продюсерство, бейби, есть такое модное американское слово, слышала? Впрочем, ты не переживай раньше времени, – он посмотрел на меня почти с жалостью, – возле него такие девочки трутся... Тебе, бейби, вряд ли что-нить обломится... Ну-ка, туда посмотри...

Проследив за его небрежным жестом, я задрала голову и обомлела. На последнем этаже увидела безобразно огромную, наполовину затертую надпись. Кто-то совершенно не ведомым мне способом нацарапал белой краской на мощном вековом камне сталинки разухабистые, кривые буквы: «Ольг, с днм рождения», – и все это под великолепным архитектурным шедевром – балкончиком с мраморными балясинами.

– Ничесе! – я даже присвистнула от изумления. – Это как так?

– А вот так. Вообще был жуткий кипиш. В двух шагах правительственная трасса, делегации, демонстрации, сама понимаешь, любой может зайти в тихий дворик и сие обнаружить, а краска несмываемая, в несколько приемов пытаются оттереть – и пока никак.

– А кто, кто это сделал? И как?! Да еще с ошибками!

– Мой респект милой даме, кто бы она ни была. Черт ее знает как! Вон, видишь, пожарная лестница рядом – наверное, на нее каким-то образом вскарабкалась, букву «Е» в одном слове не дописала, в другом пропустила... Что ж, можно понять, жизнью рисковала... Олег, видать, в курсе, кто эта затейница, да не говорит. Когда менты набежали, он в позу: докажите, что это мне послание. Грамотеи, наверное, имели в виду девочку Олю, а меня Олегом зовут. И ведь, действительно, есть и Оля, ученица Гнесинки, лет тринадцати, кажется. И такое бывает.

Несмотря на то, что вся эта ситуация с походом к какому-то избалованному придурку казалась мне неудобной и глупой, я была заинтригована. Представить, как влюбленная девица, рискуя сломать себе шею, калякает несмываемой краской на стене громоздкой сталинки умопомрачительную чушь, которую легко сказать по телефону, было совершенно за гранью. Ничего подобного мне видеть еще не приходилось. Последними словами ругала я себя за то, что не по-

слушалась Шерхана – напялила длинную юбку в пол, заплела красную косичку, будто не на вечеринку «золотой» молодежи, а на линейку в школу собралась. В таком прикиде и мечтать нечего заинтересовать кого-то, а уж тем более этого *Ольга*. Трепеща от страха и нетерпения, поднималась я в гремящем лифте, пропитанном своеобразным нафталиновым запахом старого дома, и готовилась к встрече с роковым незнакомцем.

Вообще-то я терпеть не могла подобные сборища. Мне, восемнадцатилетней, не уверенной в себе барышне, были мало приятны творческие личности, с их заумными разговорами, неопрятными патлами и мутным взглядом. В просторной гостиной с трехметровыми потолками висела плотная дымовая завеса: богема покуривала и предавалась рассуждениям о сущем, то и дело слышались гитарные переборы, гогот, смачное словцо, а то и матерок. Здесь никто никому никого не представлял, все шапочно были знакомы со всеми, а на меня просто не обратили внимания. Обозрев разношерстную публику, я пожалела почившего отоларинголога Юрия Покровского, в квартире которого его великовозрастный сын устраивает теперь форменные безобразия. Как выглядит эта загадочная личность, я не смогла распознать в галдящем и коптящем муравейнике. Подойдя к огромному окну, высунулась наружу и обалдела от открывающегося картинного вида: протекавшая подо мной широкой рекой Тверская на горизонте впадала в Проспект Маркса, недавно пе-

реименованный в Охотный Ряд, омывала боковую часть монументальной гостиницы «Москва» и Манежную площадь, просачивалась сквозь Воскресенский проезд, а потом исчезала где-то за зданием Исторического музея.

– А из нашего окна площадь Красная видна, – пробормотала я и в ту же секунду услышала низкий, насмешливый голос:

– Ну, положим, не совсем площадь, а всего лишь здание Старой Государственной Думы.

Обернувшись, увидела высокого, худого парня – он, не он? – с выгоревшими густыми кудрями, падающими на лицо, в модных, клешеных джинсах и белоснежном свитере, подчеркивающим явно не подмосковный загар – ведь уже вплотную подбирался ноябрь – довольно привлекательного, если бы не его наглый, прищуренный взгляд, которым он меня ощупывал, и не кривая, заносчивая ухмылочка. Верзила был не один, а с волоокой, большегрудой девицей, которую он похозяйски обнимал, да что там – практически тискал у меня на глазах.

– И что может делать столь юное создание в этом адовом месте? – непонятно кого спросил он. – Эй, ты кто вообще, чудное мгновение? Ты с кем здесь?

Возмущенная таким обращением, я растерялась и, как всегда со мной бывало в подобных случаях, уже открыла рот, чтобы дерзко, по-подростковому ответить хаму, но в этот момент подоспел Шерхан и спас ситуацию:

– Э-э, ребята, не пугайте мне девочку. Это наша певица, – он подтолкнул меня к верзиле и представил нас друг другу: – Катя-Кэт, а это Олег, хозяин квартиры, я тебе рассказывал. А это... э-э... Анечка, подруга Олега...

– Аллочка, – обиженно поправила девица.

Верзила, ленивым движением откинув со лба зигзагообразные пружинки выгоревших волос, уставился на меня еще раз, не без любопытства, распахнув бездонные глаза цвета моря, и, прежде чем он успел ответить, я в них увязла по самые уши и моментально в него влюбилась. Мне стало невыносимо больно за длинную помятую юбку, ненакрашенные ресницы и глупую ученическую косичку отвратительного красного цвета, перекинутую через плечо.

– Так ты, значит, еще и поешь, – усмехнулся он. В его взгляде читалось сомнение.

– Причем, как... – вступился за меня Шерхан, тоже уловивший эту обидную снисходительность. – У нее, между прочим, та-ако-ой субтон и сумасшедший микст на высоких нотах. И, главное, откуда? Ведь в ДМШ этому не учат... Тот, кто услышит ее голос, уж поверьте мне, больше его никогда не забудет, он абсолютно узнаваем, что бы она ни пела: джаз, рок или «ля-ля, б.я-б.я»...

Восхвалял меня Шерхан, похоже, впустую. Хозяин квартиры лишь пожал плечами и буркнул равнодушно: «Хотелось бы когда-нибудь услышать», после чего склонился к Аллочке, типа: ты не заскучала ли, милая. За весь вечер мы не

обмолвились и словом: новый знакомый был поглощен своей подругой даже больше, чем разговорами, а Шерхан раздобыл пива, приник к ребятам из Ленинградского рок-клуба и забыл про меня. Покрутившись еще какое-то время, никем не замеченная, сердитая и обиженная на весь свет, я ушла.

На следующую репетицию, как назло, опоздала. Ребята, перебирая струны, уже стояли на захламленной старой мебелью сцене ДК шарикоподшипникового завода, а Шерхан, развалившись в кресле, рассматривал что-то на потолке, делая вид, что ему совершенно безразлично все, что происходит вокруг. Метнув в меня недовольный взгляд, он ощерился.

– А, наконец, приперлась? И какого черта? – спросил негромко, без нажима, но из его воспаленных, мутноватых глаз сочился такой мрак, что я невольно скукожилась от неприятного предчувствия. – Только избавь меня, плиз, от этой х..рни, что ты приперлась, чтобы нам здесь попеть. Поют в Большом театре или на клиросе славу Божию в Покровском женском монастыре, а в молодежной группе заводят, усекла разницу? Здесь не проканает подобный прикид и унылая физиономия, на которой крупными буквами написано: я гребаная Орлеанская девственница. По-твоему, что, публика от этого заведется? По-твоему, что, публике нужны кислые монашки, избегающие мужчин и краснеющие от каждого скверного слова? Я тебе скажу, что им всем нужно... – поднявшись, он неторопливо приблизился ко мне и

вдруг рванул застежку на груди, отчего моя кофта разломилась на две половинки, и не успела я опомниться, как он задрал подол длинной юбки и завернул его за тугой ремень, которым я по-большевистски перетягивала талию. Мучительно покраснев, я наглухо запахла кофту и одернула юбку, но было поздно. Бек, Сид и Шира, как по команде, воззрились сначала на промелькнувший в вырезе лифчик, а потом на мои ноги, выставленные на всеобщее обозрение. Удовлетворенный произведенным эффектом Юдж швырнул ладонь в их сторону: – Видала? Что и требовалось доказать. И запомни, бейби, всем плевать на твой моральный облик, сцена – это тебе не комитет комсомола. Дома ты можешь изучать синтаксис, пунктуацию, вязать носки, наряжать куклу, спать с мишкой или с обезьянкой, с кем тебе больше нравится, а здесь уж будь добра... Дикая, рыжая кошка, которая и когти выпустит, и заездит до смерти – мужики мечтают о такой red cat в постели! Каждый, кто на тебя посмотрит – *ка-аж-дый!* – должен чувствовать своим членом, какая ты сексовая телка, каждый чел, если он не конченный голубец, должен пускать слюну, словно собака Павлова, при одном только взгляде на твои сиськи и ноги, каждый должен хотеть тебя трахнуть, причем, хотеть так, будто это последнее, что осталось ему в жизни, иначе... а иначе все бессмысленно, бейби, и твой дивный голос никому на х..р не сдался. Если тебя от этого коробит, давай чеши отсюда прямо сейчас в свой Смольный, получай красный диплом, ищи богатого му-

жа, делай детей, карьеру, да все, что хочешь, а меня избавь... Я все сказал. Что вылупились, начинаем работать!

Я чувствовала себя так, будто меня прилюдно изваляли в грязи, от подкативших слез свело скулы и засвербело в переносице, однако я сдержалась. Для выходящего из запойного штопора Шерхана глумливый депрессняк был естественным состоянием, но сейчас он не шутил. Я понимала, что не оправдала его надежд, не сумела заинтересовать бывшего врача, от которого многое зависело, и, в частности, наше приглашение на телевидение, и мне было больно оттого, что желание Шерхана совпало на этот раз с моими сокровенными мыслями. «Эй, не грусти, он просто обсаженный придурок, – шепнул мне Сид на прощание и добавил: – А кстати... ноги у тебя суперские». Я покраснела. Мне показалось, что он имел в виду не только ноги.

Вечером, закрывшись в своей комнате, я достала из гардероба модную джинсовую юбку, недавно приобретенную у фарцы на честно заработанные деньги, и, бормоча под нос: «Дрянная девчонка, дрянна-ая...», стала крутиться перед зеркалом. Было странное ощущение, что вместе с одеждой я примериваю на себя другую жизнь. Словно очнувшись, я так ясно увидела *ее*, как *она* идет по улице своей раскачивающейся кошачьей походкой, как, усмехаясь, смотрит на то, какое впечатление производит – злая, дерзкая, нетерпимая, *она* так и не пережила старые обиды, так и не простила... Что-то все же не складывалось, и, вырвав шпильки из стару-

шечьего пучка, я распустила волосы, и это были уже не мои, это были *ее* волосы – стоящие вокруг головы пышным, огненным шаром. Потом взяла со стола ножницы и решительно, на полторы ладони выше колен обкорнала фирменную юбку. Теперь из глубины зеркала мне победно улыбалась не женщина–не ребенок, вчерашняя школьница, превратившаяся из гадкого утенка только не в белого лебедя – в дикуую кошку. «Как жаль, – думала я, – как жаль, бывший врач, что мы с тобой больше никогда не увидимся...»

Но я ошибалась.

■ ■ ■ ■ ■

Мы втроем сидели в уютном кабинете ресторана на крыше высотки и, отворачиваясь друг от друга, смотрели в огромные сводчатые окна, из которых открывался чудесный вид на город. Все и, похоже, даже Далька, эгоистично равнодушная ко всему, кроме своей любви, ощущали неестественность ситуации. Когда-то мы были семьей, счастливой или не очень, но семьей, и вот прошло двенадцать лет, мы снова за одним столом, но теперь нас разделяет пропасть, и даже самые крепкие родственные узы – мать-дочь – и те не работают. Далька, моя любимая маленькая девочка, вдруг резко изменилась, за одно мгновение превратившись из ангелочка с очаровательными кудряшками в мрачное инфернальное существо, отгородившееся от меня наушниками, телефоном, стеной несогласия, принимающее в штыки каждое мое сло-

во, и все это только потому, что я не одобрила ее романа с омерзительным фриком, годящимся ей в отцы. Что же касается других родственников уз – я бросила быстрый взгляд на Олега – то именно на взаимосвязь отец-дочь я возлагала надежду как-то исправить ситуацию.

Вообще я не собиралась нарушать их тет-а-тет и договорилась встретиться с Генриеттой, но Олег настоял, чтобы я непременно к ним присоединилась. «Катрин, ты так жаждала, чтобы я воздействовал на Дальку твердым отцовским словом, ты так хотела приобщить меня к ее воспитанию, что не поленилась притащиться сюда, за тысячи километров из своей Америки, бросив важные дела, а теперь что, самоустранишься?» – насмешничал он, однако в его тоне чувствовались нотки нервозности. Я отнекивалась. Олег же продолжал давить и упрашивать одновременно. Было очевидно: он в растерянности, не понимает, как вести себя с этим перекрашенным и татуированным чертенком с серьгой в носу, и ищет помощи у меня. В итоге я не стала припоминать ему его заносчивость, издевательские реплики, типа: «Ты – мать, ты что же, ничего не можешь сделать?» – и позволила себя уговорить. Однако помимо того важного, ради чего я, собственно, и приехала, меня подстегивало чисто женское любопытство. Генеральный директор крупнейшего рекламного холдинга Олег Юрьевич Покровский был лицом медийным и часто мелькал в СМИ: рассказывал о масштабных проектах и грандиозных замыслах, которые удалось реализовать, по-

являлся в качестве гостя на встречах самого высокого уровня, а поэтому узнать, кто его нынешняя спутница, эта обладательница шелковистой кожи и гладкого молодого тела, не составляло труда. И дело было даже не в том, что это девушка из хорошей семьи, получившая неплохое гуманитарное образование, и не в ее выдающихся внешних данных – в конце концов, красивые 25-летние блондинки нравятся многим мужчинам – а в том, как она вела себя, находясь рядом с ним, как везде и всюду лезла на первый план, забывая, кто в этой паре главный, как хлопотала лицом на интервью, которые он давал журналистам, как, не стесняясь, рассказывала про себя, про свои планы и их с Олегом горячие взаимоотношения. И что, такая вульгарная особа способна заинтересовать интеллектуала с академическим образованием и разносторонними интересами? Или это, действительно, страсть, которая часто сводит с ума немолодых мужчин, перехлестывая все доводы рассудка? Теща себя надеждой, что неплохо изучила Олега за 10 лет совместной жизни и 12 лет непрерывного общения с ним по вопросам воспитания подрастающей дочери, я решилась на эксперимент. Он видел меня уставшую и злую в день приезда и шарахнулся, будто я заразная, а как он отреагирует теперь, когда я предстану перед ним в припадке дивной красоты – отдохнувшей, расслабленной, с уложенными волосами и подведенными глазами? И я постаралась: привела в порядок лицо, не ярко, но заметно накрашилась, надела слишком узкие светлые брюки, в которых невозмож-

но было проглотить лишний кусок, но зато они выгодно обтягивали фигуру, и кофту с голым плечом, оказывающую на моего бойфренда Тиджея магическое воздействие. И хотя я едва ли могла соперничать с 25-летней блондинкой, звездой рекламы, но произвести впечатление на надменного павлина, моего бывшего муженька, почему-то рассчитывала.

Далька первая стряхнула с себя оцепенение, встала и, бросив: «Возьмите мне что-нибудь легкое», – вышла, прижав телефон к уху. Олег, видимо, желая угодить ее взыскательности, выбрал для нее оригинальное блюдо – суфле из мяса акулы. Я хмыкнула: деликатес, которым в Майами никого не удивить.

– Не заказывай ей рыбу, лучше овощи на гриле, – вмешалась я, но он оборвал меня:

– Ты будешь за нее и здесь решать?

– Ради бога, решай ты.

– Ты так и не поняла, Катрин, везде, всегда, за всех и все решаю я.

– Ты не на работе, Олег. С Далькой так нельзя.

Разозлившись, я не сказала ему, что его дочь в числе прочих нововведений придумала еще и вегетарианство. Не смогла пересилить себя и поблагодарить его за могилу родителей и за Шерхана, хотя собиралась сразу это сделать – утром я посетила Троекуровское кладбище и немного успокоилась, отметив, что все устроено, как надо. Пока Дальки не было, мы натянуто молчали: он – не поднимая глаз, изучал сообще-

ния в телефоне, я – рассматривая погружающийся в сумерки город, пыталась по ярким точкам на живой карте Москвы распознать знакомые места. Когда ему позвонили и он, поднявшись, начал мерить шагами пространство кабинета, раздавая кому-то непонятные, короткие поручения, я оторвалась от окна и посмотрела на него. Лицо его не казалось мне таким уж красивым, каким я увидела его вчера – усталые складки возле губ, лучики глубоких морщин вокруг глаз выдавали возраст. Но все равно выглядел он прекрасно: длинные, плотно закрученные кудри, остриженные по молодежной моде, падали на лоб, смуглая кожа обтягивала скулы – наверняка загорал с молодой любовницей на Мальдивах – яркие глаза светились энергией, и было во всем его облике то стильное, обаятельное и живое, что поразило меня много лет назад в «интересной» квартире на Тверской.

Возвратилась Далька, угрюмая и озабоченная – видимо, весточки от любимого все еще нет, догадалась я, – плюхнулась на диван и с ужасом уставилась на то, что ей принесли. Олег вострепнулся, откинул телефон, посмотрел на дочь и вдруг не сдержался:

– О, господи, детка... как тебе все это не идет, неужели ты не видишь? Ты просто Бастинда какая-то. Может, все-таки стоит вернуться к прежнему образу Элли, которая когда-то так нравилась нам с тобой?

Даже ради похода в дорогое элитное заведение Далька не потрудилась переодеться, разве что флип-флопы сменила на

крюссовки, зато воинственно разукрасила глаза темно-лиловыми тенями и черными стрелками, из-за чего ее очаровательное личико приобрело злое выражение правительницы Фиолетовой страны. Я внутренне напряглась, ожидая немедленного взрыва, но его не последовало. Бросив через плечо: «*Not for the world!*», – она уткнулась в тарелку. Конечно, это же не мать сделала ей замечание.

– Даль... ну... как ты вообще?

Я с трудом справилась с лицом, которое готово было растянуться в усмешке. Глупее вопроса не придумаешь. Еще бы спросил: хорошие ли у тебя оценки, примерное ли поведение? Сделав вид, что изучаю узоры на белоснежной скатерти, я покосилась на Дальку, невозмутимо ковыряющую вилок овощной гарнир к суфле.

– Нормально, па, – был ее ответ.

Получите! Это вам, господин Генеральный, не летучки с вашими подчиненными проводить. Это ваша дочь, натура тонкая, да и влюбленная, к тому же.

Принесли белое вино – легкое, полусухое, как раз для девочек. Пока официант разливал его, Олег толкнул меня под столом ногой. Перехватив его нетерпеливый, недовольный взгляд-выстрел в мою сторону, Далька прыснула:

– Па, давай уже начинай свои нравоучения, а то мы только на три дня приехали, рискуешь не успеть...

– Как это на три?! – вскипел Олег и снова обратился на меня негодующий взор.

– Во-первых, не на три, а на пять, – поправила я. – Дальше надо вернуться к концу сентября, а я не могу больше, у меня...

– Ты не можешь, и ради бога, – раздраженно перебил он, – а Далька пусть останется до конца сентября... Как ты на это смотришь, детка?

Именно в этот момент ее телефон издал характерный тренькающий звук, и она, тут же охладев к нашему собранию, невежливо уставилась в него. По тому, как мгновенно расцвело ее личико, стало понятно – наконец-то объявился рокер.

– Я сейчас, – сказала она и снова выбежала из кабинета.

За неимением лучшего Олег уставился на меня, нехотя перевел взгляд на мое обнаженное плечо. Что-то щелкнуло в его глазах, что-то выплеснулось наружу из их бездонной, темной сини – пробудившийся мужской интерес или чистый рефлекс?

– Как все это произошло? – спросил он, конечно, имея в виду: «Как ты все это допустила?»

– Да как это обычно происходит? Влюбилась не в того парня, вот и все. А поскольку это твоя дочь, твой характер, можешь вообразить себе все остальное – удержать ее от безумств невозможно.

– Т.е. ты сейчас пытаешься сказать мне, что я тоже много лет назад выбрал не ту женщину? – усмехнулся он и снова посмотрел на мое плечо. В его голосе мне слышались на-

хальные, игриво провокационные нотки, но я одернула себя, решив, что все это мне пригрезилось.

– Давай хотя бы наши с тобой отношения сейчас не трогать.

– Я не ослышался, ты сказала «сейчас»?

– Олег, прошу тебя... Это даже смешно.

– Ха-ха-ха, наши отношения... Так ты называешь десятилетний брак, – брак наш на самом деле длился восемь лет, но я не поправила его – действительно, жить вместе мы стали значительно раньше, чем официально зарегистрировались. – И правда, смешно. Успокойся, Катрин, они, эти *отношения*, никого больше не интересуют. Но ошибочны они были или нет, одна польза все же от них есть – эти отношения произвели на свет красавицу, которая не перестает быть красавицей, хоть и увлеклась чрезмерно косметикой и сделала мерзкое тату на плече.

«Господи, если бы только это! И если бы только на плече», – вспомнила я витиеватые разноцветные принты на щиколотках и китайские иероглифы на бедре, но ничего ему не сказала – пусть что-то останется и на потом. Олег пробормотал двусмысленное, типа: «За красоту моей девочки!» – и по-гусарски чокнулся с моим голым плечом, прислонив к нему прохладный бокал. Да он, похоже, флиртует со мной, изумилась я. Как бы то ни было, два-ноль тебе, королева мыла и любительница геля, а кофточка свое дело сделала.

Вернулась Далька, довольная, с сияющими глазами, при-

нялась за еду, старательно отодвигая суфле.

– Вы уже тут выпили, я смотрю, и без меня.

– Детка, я ужасно соскучился по тебе, жажду подробностей, а ты все убегаешь куда-то... Как твоя учеба? Ты не сказала мне...

Я похолодела. Вот сейчас...

– А что рассказывать, пап? Я вряд ли пойду на следующий курс...

Услышав неожиданную новость, Олег замер на секунду, потом стиснул пальцы так, что вино в бокале заволновалось, брызнуло через край. Началось...

– Что? – спросил он, и от этого негромкого, ледяного «Ч-т-о?» мы с Далькой вздрогнули. Легко представить, как он гипнотизирует подчиненных жестким взглядом своих си-не-зеленых глаз, и доводит до обмороков секретарш этим убийственно спокойным, с издевкой тоном.

– Ты слышал, – упрямо пробормотала дочь, не поднимая головы.

– Ты знала? – обернулся он ко мне, накаляясь от гнева.

– Узнала недавно. Пыталась сказать тебе, но ты не слушал. Помнишь свою фразу: «Что плохого, если девочка влюбилась? Что плохого, если она фанатеет от рока? Что плохого, если ей нравятся байк и скорость?»

– И действительно, что плохого, – оживилась Далька, но в этот раз Олег юмора не оценил.

– Помолчи. Катрин, по-твоему, я кто, идиот? По-твоему,

я не в состоянии отличить черное от серого? Если бы ты мне без этих твоих уверток прямо сказала, что происходит, я что, не понял бы? Причем здесь рок и байк, если девочка собирается бросить университет? Какого черта ты мне впаривала небылицы о несчастной любви...

– Почему несчастной? – встряла Далька и вновь получила резкое:

– Помолчи!

Он отчитывал меня, как школьницу, как свою подчиненную, что я не донесла до него всю важность происходящих с дочерью событий, что не смогла повлиять на нее, сказать в нужный момент свое решительное слово, что приперла в Москву на три дня и это просто смешно, да и то приперла только потому, что мне так удобно и т.д.

– Может, хватит? – не выдержала, наконец, я и повернулась к Дальке. Встретив ее взгляд, даже плечами передернула – он был полон торжества, не по-детски жестокого. – Что ты смотришь? Давай, расскажи отцу о своем решении.

– Ну, пап. Нет пока никакого решения. Просто я больше не хочу быть врачом, как дедушка. Ты вот не стал, и я не хочу...

Я мысленно похвалила дочь. Даже несмотря на то, что злюсь на нее каждую минуту и порой готова убить, она не перестает удивлять меня своей смекалкой и силой характера. У меня никогда так не получалось...

– Послушай, причем здесь я? – сорвался он на крик, а это

означало, что удар был нанесен правильно, и у него пока нет аргументов. – Не переводи на меня стрелки. Мой отец мечтал...

– Твой отец мечтал, чтобы ты продолжил его дело, но ты выбрал свой путь. И я в этом отношении пошла в тебя и не хочу больше этой медицины. Какой тогда смысл набирать все эти... *credits in chemistry, biology, physics*, работать в лаборатории при универе, ходить в больницу к докторам и слушать их вечные причитания: *Oh, dear girl, why would you ruin your life, and why on earth do you need this medicine, think twice...* Вот я и подумала... И, пап... Я за вас переживаю. Ты представляешь, сколько будет стоить образование врача, даже терапевта, которым я быть вообще не хочу?

– Так ты обо мне заботишься, милая моя детка, – с едкой иронией произнес Олег и зловеще осклабился. – В этом причина, а я, дурак, не понял... Только скажи, пожалуйста, кто мне вернет деньги, уже заплаченные за год твоего обучения, а? В общем, так. Давай по гамбургскому счету. Поскольку я плачу – я принимаю решение. И решение мое таково...

– Подожди, пап, – перебила Далька и вернула Олегу его взгляд – прямой, дерзкий. – Ну, раз у нас с тобой по гамбургскому счету... Ты платил только часть, вторую часть дали мама и Майк, для которого я тоже не чужой человек, а они поддержат не твое, а мое решение...

Общаясь, мы избегали некоторых тем, которые были неприятны нам обоим. Я никогда не обсуждала с Олегом его

личную жизнь, а он ни разу не спросил меня о моем втором муже, хотя, конечно, знал некоторые подробности и знал, не мог не знать, что мы развелись. Упомянув Майка, Далька применила еще один запрещенный прием. Я видела, как Олег, забыв о еде, постепенно наливается кровью, и ждала теперь ядерного взрыва.

— Ну, во-первых, милая детка, я платил не часть, а половину, — он метнул ледяной взгляд в мою сторону и повторил на случай, если кто-то не расслышал: — Твой папа заплатил половину, это во-первых. А во-вторых... Ну, если ваш распрекрасный Майк, этот инженер-виртуоз, этот Винтик-Шпунтик, этот... — Олег, наконец, выдохся и через паузу продолжил своим обманчиво спокойным тоном: — если он так любит вас с мамой, как же он допустил, что его падчерица травит нежную кожу какими-то порочными татуировками, уродует волосы, разукрашивает лицо почище, чем какие-нибудь масаи или банту? Как же он допустил, что милая девочка бросает университет?! А я тебе скажу. Да потому что ему напле-вать! Потому что его любовь распространяется только на то, чтобы выписать чек и привинтить к стене полку...

— Что, какую полку? — оторопела Далька, а я, несмотря на жесткость ситуации, невольно прыснула. Это был камень в мой огород. Когда после развода с Олегом я вышла замуж за американского гражданина, инженера-проектировщика электрических сетей Майка Холлберга, ничего не понимающий в технических специальностях Олег ехидничал:

«Ну, теперь в доме появился Винтик-Шпунтик, и будет кому полку прибить».

– Послушай, па, я хотела вот что тебе сказать, – дочь оттолкнула от себя тарелку с несъеденным суфле, закурила и нагло, совсем, как ее отец, прищурилась. Роль пай-девочки ей надоела. – Повторяю, я решила не идти в медицину, это окончательно, а бросить или не бросить универ, пока думаю. Но если уж решу, никто меня не переубедит: ни мама, ни ты, ни Майк. И вообще. Я ничего никому не доказываю, как вы все. Вы живете, будто сопротивляетесь течению, а я... Мне и моему парню нравится, как я выгляжу, и это главное. Поэтому бессмысленно говорить со мной, как с маленькой. Даже мама это поняла. И вот еще что. Я ведь не высказываюсь по поводу твоей девушки и ее внешнего вида. Хотя это вовсе не значит, что она... *beauty queen*.

Воцарилось молчание. Пожалуй, это три-ноль, подумала я. В наступившей тишине раздался характерный звук – у Олега просто отпала челюсть. Конечно, я не одобряла того, что и как говорила Далька, но вид этого сноба, который, похоже, давно не слышал ничего, кроме лести и осанн от подчиненных и обожающей его матери, вполне удовлетворил меня. Спас положение выросший как из-под земли официант. Наклонившись к Дальке, он вежливо попросил:

– Будьте добры, затушите сигарету, пожалуйста. Здесь не курят. Что-нибудь еще? Может быть, десерт?

Вопящий хардроковый аккорд взорвал и без того напря-

женную тишину кабинета. Выхватив телефон, Далька отвернулась к окну и затараторила по-английски.

– Это просто что-то запредельное, – выдохнул Олег и похлопал себя по карману. – Действительно, надо перекурить... – он бросил на меня раздраженный взгляд: – А ты... какого черта ты сидишь и молчишь все время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.